

• Автор: [Павел Лузин](#)

[«Дао» вероятного противника](#)

США в 2018 году [направят дополнительные средства](#) на оснащение авиабаз в Европе. Европейские страны-члены НАТО [увеличивают](#) свои военные расходы. ЕС взял [курс](#) на качественное улучшение сотрудничества в области обороны внутри Союза. НАТО [укрепляет](#) свою инфраструктуру в Восточной Европе. Все это фактически является долгосрочным ответом на угрозу, которую создает Кремль на восточном фланге.

В свою очередь Москва, встав на путь конфронтации с Западом, такой ответ воспринимает искаженно — как потенциальную угрозу, возникшую вне зависимости от предыдущих событий. Все последние годы Кремль делал ставку на усиление тех военных возможностей, которые сдерживали бы силовой ответ Запада по югославскому или ливийскому сценарию (A2/AD, ограничение и воспреещение доступа и маневра) в случае внешнеполитической или внутривосточной эскалации. Здесь речь главным образом шла о развитии военной инфраструктуры на Балтике (Калининград), в Черном море (оккупированный Крым) и вокруг Москвы. Эти три района были превращены в своеобразные [«крепости»](#). Однако активность стран НАТО идет вразрез с планами Кремля пошатнуть трансатлантическое единство. Это означает, что он будет искать новые пути, чтобы в перспективе выйти из конфронтации победителем.

Имитация симметрии

На первый взгляд кажется, что в военной жизнедеятельности Москвы присутствует одно неразрешимое противоречие. С одной стороны, ее [военная доктрина](#) предполагает потенциальную войну против Североатлантического Альянса. С другой стороны, реальные возможности России, если вывести за скобки ядерное оружие, абсолютно не соответствуют тому вызову, который она бросила Западу. Именно это противоречие обрекает российскую власть на постоянную имитацию того, что ее военные и политические ресурсы равны американским и европейским.

Россия демонстративно насыщает свои базы на Балтийском и Черном морях все новыми вооружениями и военной техникой. И речь идет далеко не только о средствах А2/АD. Например, в ближайшее время она планирует создать [дополнительный авиаполк](#) в Калининградской области, оснащенный модернизированными самолетами Су-27. В 2018 году 152-я ракетная бригада, расположенная в том же регионе, должна [перевозоружиться](#) на ракетные комплексы «Искандер-М» (в ракетную бригаду входит до 12 таких комплексов).

В 2016–2017 гг. Черноморский флот, помимо ракетных комплексов ПВО и береговой охраны, получил три новых фрегата, вооруженных крылатыми ракетами «Калибр». И это в дополнение к 6 дизель-электрическим подводным лодкам «Варшавянка», поступившим на флот в 2014–2016 гг. и также вооруженным крылатыми ракетами. Другими словами, руководствуясь своей идеей фикс противостояния с Западом, Москва озабочена не только оборонительными, но и [наступательными](#) возможностями.

В 2011–2017 гг. Россия уже потратила 9 трлн рублей на закупку вооружений и оснастила ими многие соединения. Однако паритет с НАТО по обычным вооружениям все равно не был достигнут. Достаточно отметить, например, что несколько десятков самолетов и вертолетов, расположенных в Калининградской области, не идут ни в какое сравнение с почти пятью сотнями самолетов и вертолетов одной только Польши. И в Кремле все это хорошо понимают.

Поэтому на случай военного столкновения с НАТО ([вероятность](#) которого выше нуля, хотя из всех гипотетически возможных вариантов этот наихудший сценарий пока наименее вероятен) российская власть рассчитывает, что сможет нанести отдельным членам альянса неприемлемый военный и политический ущерб. Тем более что общественная чувствительность к потерям в странах НАТО и в России разная. К тому же Кремль искренне верит (хотя, вероятно, ошибочно) в готовность российских военных жертвовать своими жизнями. Опираясь на эти расчеты и вкуче с угрозами ядерного конфликта, Москва надеется, что в час X будет иметь достаточно сил для деморализации европейцев и американцев. Только так можно объяснить практический смысл всех этих новых полков, дивизий и армий. Ну а в символическом поле имитация военного равенства между Россией и НАТО призвана демонстрировать российскому обществу и элитам стран Запада волю Кремля к сохранению своей власти.

Классика «асимметричного ответа»

И все же в условиях продолжающейся конфронтации, которая все же пока не переросла в открытый конфликт, на усиление НАТО Москва будет реагировать не просто созданием очередного соединения. Она будет использовать способ, который еще в советское время получил название «асимметричный ответ». Суть его в том, чтобы создать для противника большую военно-политическую неопределенность или угрозу меньшими средствами. И здесь у российской власти есть несколько опций.

Первая опция: поддержание существующих и создание новых кризисных ситуаций, бьющих по интересам НАТО и Запада в целом. Понятно, что тут в первую очередь надо упоминать Украину, Сирию, а в качестве потенциального военного кризиса стоит пристально наблюдать за политикой России в отношении Ливии (в том числе [опираясь](#) на дружбу с Египтом). Последняя страна упомянута не случайно, учитывая [российский интерес к генералу Хафтару](#) и [вовлеченность в ливийские дела главы Чечни](#) Рамзана Кадырова. При этом не стоит недооценивать вероятность военно-политических обострений в Молдове (в т.ч. в Приднестровье), в Ираке и даже на Балканах.

Москва также может более активно включиться в ситуации в Судане и [Йемене](#). К тому же Россия

изучает пути расширения своего присутствия в Индийском океане. В пользу этого говорят следующие факты: расширение пункта материально-технического обеспечения в сирийском Тартусе, свежая договоренность с Мьянмой об упрощенном порядке захода российских военных кораблей в ее порты и [разговоры](#) о базе в Судане.

То есть, пока страны НАТО усиливают расходы на оборону и укрепляют восточный фланг, Кремль пытается вбить клин между Альянсом и его отдельными членами (вспомним дружбу с Эрдоганом) и между Западом и его традиционными партнерами в регионах (Египет, Пакистан). Помимо этого Москва стремится помешать США и Европе реализовать их внешнеполитическую линию (Сирия, Ливия, Йемен и т.д.). Цель тут очевидна — подвергнуть их позиции в разных регионах мира эрозии с тем, чтобы склонить к принятию кремлевской картины мира.

Вторая опция: оказание постоянного давления на Европу методом кнута и пряника. Роль пряника выполняют разнообразные трубопроводные проекты, а также сохранение роли европейского бизнеса и банков как бенефициаров российской коррупции. Роль же кнута отводится угрозам, которые продуцирует Кремль, а также той деструктивной политической тактике, которую он в разной степени применяет, например, в ситуации с сирийским химическим оружием и в рамках проблемы КНДР. Здесь свою роль играют сразу несколько факторов.

Во-первых, это вероятные нарушения Москвой Договора о РСМД, оставляющие немного шансов на его сохранение. Во-вторых, это постоянные российские маневры вдоль западных границ в отсутствие системы контроля обычных вооруженных сил (а у России в кармане уже почти десятилетие хранится [проект договора](#) о европейской безопасности). В-третьих, это модернизация системы предупреждения о ракетном нападении вкупе с ее перевооружением на радиолокационные станции «Воронеж», включая планы по строительству такой РЛС в оккупированном Крыму. Суть в том, что Европу так или иначе охватывают 5 из 10 действующих российских дальних РЛС, причем именно они строились и модернизировались в первую очередь.

Получается, что Кремль считает европейское направление главным для себя источником ракетной угрозы и, как следствие, превращает страны ЕС в потенциальную мишень для своих ракет. Сегодня воспроизводится ситуация 1960-х годов, когда СССР пытался аналогичной угрозой склонить Западную Европу к большему политическому дистанцированию от США.

Третья опция: дальнейший курс на политическую, экономическую и культурную самоизоляцию России. Возможное продолжение Кремлем такого курса после марта 2018 года позволит ему сохранять требуемый уровень консолидации российского правящего класса и повысить для американцев и европейцев уровень неопределенности в отношениях с Москвой. В перспективе нескольких лет сокращение взаимодействий способно затруднить получение достоверной информации о происходящих в стране процессах.

Конечно, эта опция для российской власти является самой затратной из всех трех и довольно рискованной. Однако надо учитывать, что если уж вероятность войны между Россией и НАТО не равна нулю, то вероятность дальнейшей самоизоляции в этой системе координат точно не выглядит фантастикой.

Важно понимать, что неразрешимая при нынешнем российском режиме конфронтация с Западом предопределяет, что Москва и дальше будет идти по пути асимметричных действий в той или иной их комбинации.

Четвертая опция: прекращение конфронтации с Западом. Этот вариант развития событий возможен только при условии реальной смены власти в России, формирования работоспособной системы разделения властей и создания благоприятных условий для бизнеса и накопления капитала внутри страны.

теги
[NATO](#)
[military](#)

[syria](#)

категории

[Security](#)

Использование материалов интернет-издания "Intersection" путем их полного воспроизведения разрешается только с разрешения редакции Intersection - intersection@intersectionproject.eu